

Ф. Я. ПРИЙМА

**Зориан Доленга-Ходаковский и его наблюдения над
„Словом о полку Игореве“**

„Я сам — хоть в книжках и словесно
Собратья надо мной трунят —
Я мещанин, как вам известно,
И в этом смысле демократ.
Но каюсь: новый Ходаковский,
Люблю от бабушки московской
Я слушать толки о родне,
Об отдаленной старине“.

А. С. Пушкин

Ныне полузабытое имя Зориана Доленги-Ходаковского упоминается Пушкиным дважды. Первый раз — в приведенном здесь в качестве эпиграфа отрывке из поэмы „Езерский“.¹ Ходаковский назван в ней сразу же за выдержанной в ироико-комическом стиле родословной героя, и это соседство и упоминанию имени ученого сообщает известный иронический оттенок. Второй раз — назвал великий поэт Ходаковского в своей статье „Песнь о полку Игореве“ 1836 г. „Но ни Карамзин, ни Ерм[олаев], ни А. Х. Востоков, ни Ходаковский никогда не усумнились в подлинности Песни о полку Иг[ореве]“.² Упоминание имени Ходаковского наряду с Н. М. Карамзиным и А. И. Ермолаевым, которые были не только известными знатоками древне-русской истории, но также и „самовидцами“ погибшей рукописи „Слова о полку Игореве“, а также наряду с А. Х. Востоковым, — общепризнанным авторитетом по части истории славянских языков и незаурядным знатоком древней поэмы об Игоревом походе, — упоминание это свидетельствует о том, что в отличие от некоторых своих современников Пушкин видел в Ходаковском не самоучку и не чудака, а ученого, мнение которого о знаменитой поэме он считал значительным.

¹ А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений. Изд. АН СССР, т. V, 1948, стр. 99—100.

² Там же, стр. 147.

Не один только Пушкин, но и другие русские писатели и ученые первой половины XIX в., такие как Н. М. Карамзин, Н. В. Гоголь, М. А. Максимович, М. П. Погодин, Н. И. Полевой и другие — считали Ходаковского большим знатоком славянских древностей и быта славянских народов. Уже одно это соображение вполне оправдывает нашу задачу — выяснить некоторые обстоятельства жизни и деятельности талантливого ученого и, главное, попытаться осветить чрезвычайно любопытную, подсказываемую Пушкиным, историко-литературную тему: „Доленга-Ходаковский и его наблюдения над «Словом о полку Игореве»“.

Настоящее имя Зориана Доленги-Ходаковского — Адам Чарноцкий. Родился он в 1784 г. в Минском воеводстве в семье мелкого польского шляхтича.

Не имея средств, отец Адама Чарноцкого отвез мальчика-сына в Слуцкий уезд к богатым родственникам, которые и поместили его в местную уездную школу. По словам биографов, страсть к изучению истории и собиранию местных поверий, преданий и песен пробудилась у Адама Чарноцкого со школьной скамьи. Еще до окончания школы, в 1800 г., потеряв отца, мальчик остался круглым сиротой. По окончании в 1801 г. уездного училища, шестнадцатилетний Адам Чарноцкий становится на путь вполне самостоятельного существования. Практически изучая право у адвоката в Новогрудке, оказывая помощь жителям в их различных судебных процессах, работая помощником управляющего у новогрудского воеводы графа Неселовского, Адам Чарноцкий не покидает и своих занятий историей. Он с прилежанием роется в местных архивах, изучает старинные документы, прислушивается к устному народному поэтическому творчеству, заводит записные книжки, в которые вносит собранные им разнообразные этнографические и исторические материалы.

В начале 1808 г., Чарноцкий, подозреваемый в намерении вступить в нелегально формировавшееся в Варшавском герцогстве польское войско, был арестован и отвезен под стражей в Гродно, а оттуда отправлен в Петербург. Здесь он пробыл в заключении с марта по декабрь 1808 г. Последовавшим за следствием решением суда, Чарноцкий был лишен дворянства и отдан в солдаты во 2-ю дивизию, стоявшую в Омске.

Из случайно сохранившегося дневника, который вел Адам Чарноцкий по дороге в Омск и во время пребывания своего в Сибири, видно, что он не прерывал своих ученых занятий в самые тяжелые годы своей жизни. Дневник пестрит заметками о жизни, быте и языке встречавшихся по пути народностей. Чарноцкий записывает обычаи, которые ему приходилось наблюдать, названия растущих в различных местах деревьев и трав, восстанавливает переименованные славянские географические названия.

В 1810 г. полк, в котором служил Чарноцкий, был передвинут в Пермь, а затем в Бобруйск. Здесь, по словам одного из биографов

Чарноцкого, он „устроивает себе выезд в Польшу“. Продолжая числиться в списках полка, как „пропавший без вести“, Адам Чарноцкий живет с этих пор под вымышленной фамилией Ходаковского, меняя неоднократно профессии и места своего жительства и находясь под постоянной угрозой быть выданным правительству Александра I. Тем не менее, именно в этот период со всей страстью ученого-энтузиаста Ходаковский предается занятиям народной археологией — восстановлением истории славянства по тем пережиткам древности, которые сохранились в фольклоре и названиях рек, урочищ, городищ и поселений.

Во время своих поездок по Западной и Приднепровской Украине (1817—1819) Ходаковский настойчиво и неутомимо собирает устное народное творчество. Достаточно сказать, что до 1819 г. им было собрано и записано около 2000 одних только украинских песен.

В 1818 г. Ходаковский напечатал на польском языке первую свою статью „О славянстве пред христианством“, а в следующем, 1819 г., опубликовал на русском языке в „Вестнике Европы“ статью „Разыскания касательно русской истории“.¹ В названных статьях, и особенно в последней из них, Ходаковский настаивал на необходимости изучения живой славянской старины, указывая при этом, что источники для этого изучения находятся не в книгах, а „рассеяны по целому пространству нашей земли и требуют многих еще жертвований и особенного посвящения сему делу“ (стр. 278). Исследование прошлого, рассуждал Ходаковский, могло бы быть гораздо успешнее, „если бы мы менее руководствовались модою и дворянством, а заглядывали под соломенную крышу поселян, которые не изменили столько своим предкам“ (стр. 282). „Мы не должны, — писал он в этой же статье, — обманывать себя повестями чужих писателей, которые по слуху отдаленному и невероятному, а еще более по ненависти, вкратце сказали о наших предках; мы не должны на них совершенно полагаться и верить, что славянское младенчество окружено туманом грубого невежества и дикости“ (стр. 279).

Пользуясь своими незаурядными познаниями в области истории, географии и народной археологии, Ходаковский сделал в своей статье ряд критических замечаний на „Историю Государства Российского“ Карамзина. Несмотря на смелое, а иногда и рискованное пользование методом этимологических сопоставлений и аналогий для доказательства своих мнений по вопросу о „карте России в IX веке“, некоторые замечания Ходаковского были для своего времени настолько основательными, что Карамзин не мог с ними не согласиться.

Уже в статье „Разыскания касательно русской истории“, написанной в середине 1819 г., Ходаковский изложил в кратком виде свою теорию славянских городищ. Согласно его мнению, эти городища

Вестник Европы, 1819, ч. CVII, окт., стр. 277—302.

были священными оградами, где некогда совершались языческие обряды; с большой густотой и правильностью были размещены они на всем пространстве, где жили древние славяне, и всюду были окружены однотипными поселениями, имевшими, как правило, сходные названия, указывавшие на их связь со славянской мифологией.

Разработав план длительной археологической и этнографической экспедиции с целью исследования славянской старины и древних городищ, Зориан Доленга-Ходаковский обратился для осуществления своих планов к куратору Виленского университета, кн. Чарторижскому. Заручившись от него рекомендациями к канцлеру графу Н. П. Румянцеву, в конце 1819 г. Зориан Доленга-Ходаковский отправился в Петербург.

В Петербурге Ходаковский знакомится с представителями ученого и литературного мира; „Вольное общество любителей российской словесности“ избирает его своим членом. Не исключена возможность, что уже в конце 1819—начале 1820 г. с именем Ходаковского познакомился и молодой Пушкин.

Составленный Ходаковским в начале 1820 г. проект археологического путешествия по России был передан на рассмотрение Карамзина и главного управления училищ, был ими одобрен и вслед за тем утвержден Александром I.

Путешествие должно было продолжаться четыре года и на его издержки было отпущено правительством 3000 руб. Ободренный первоначальным успехом, Ходаковский опубликовал план своего путешествия в столичных журналах.¹

В Петербурге, по словам Иоахима Лелевеля, Ходаковский начал „сходить с польского света“. Этот упрек со стороны некоторых своих националистически настроенных соотечественников Ходаковский получил вследствие высказываемого им не однажды мнения, что славянский Восток представляет собой более удобное поле для его исследований, так как здесь по причине отсутствия католической нетерпимости к дохристианским элементам, сохранилось больше древних преданий, чем на славянском Западе.

Путешествие Ходаковского началось в августе 1820 г. Он выехал из Петербурга вместе с женой, осмотрел места по Неве и около Ладоги, раскапывал старые курганы около Новгорода, потом около Твери и в 1821 г. прибыл в Москву. Здесь, с разрешения межевой канцелярии, Ходаковский занялся изучением подробных карт, составил общую карту славянского „городства“ и огромный географический словарь. В 1822 г. он послал из Москвы „Донесение“ о результатах своего путешествия, которое было передано на рассмотрение известному археографу К. Ф. Калайдовичу. Не разделявший взглядов Хода-

¹ Сын отечества, 1820, ч. 63—64; Вестник Европы, 1820, ч. СХIII, №№ 17—18, стр. 30—56, 99—118.

ковского в отношении городищ, Калайдович дал о „Донесении“ Ходаковского неблагоприятный отзыв. Лишившись вследствие этого правительственной поддержки и всяких средств к существованию, Ходаковский уже не мог вести с прежним упорством свои научные занятия. Несчастья семейного порядка, — смерть сына в 1821 г. и смерть в 1822 г. жены, окончательно подорвали его силы. Женившись во второй раз и желая выбраться из тисков нужды, в 1824 г. он принял на себя должность управляющего у одного земляка, тверского помещика. Даже и теперь, лишенный всяких жизненных перспектив, Ходаковский не прекращал своих научных занятий. Однако здоровье его было вконец расшатано, и 17 ноября 1825 г. на сорок первом году жизни он скоропостижно скончался.

Бумаги Ходаковского, состоявшие главным образом из незаконченных его трудов, после его смерти, согласно завещанию, были переданы Н. А. Полевому, который в течение долгого времени не мог сделать из них никакого употребления.

В воспоминаниях К. А. Полевого мы находим указание на то, что А. Ф. Воейков, Н. И. Надеждин, а позднее и М. А. Максимович упрекали Н. А. Полевого в недобросовестном использовании бумаг Ходаковского.¹ Насколько справедливы были эти упреки, сказать трудно, но помимо Воейкова, Надеждина и Максимовича их повторяли печатно также М. Т. Каченовский² и М. П. Погодин.

В начале 30-х годов прошлого века вдова Ходаковского в судебном порядке потребовала от Н. А. Полевого возвращения ей бумаг своего мужа. Ее требование было удовлетворено. В 1836 г. бумаги Ходаковского стали собственностью Погодина. По словам последнего, в его руки попала „только часть расхищенных его (Ходаковского. — Ф. П.) бумаг“.³ В своих исторических исследованиях Погодин неоднократно пользовался мнениями Ходаковского и часто ссылался на него. Значительную часть работ Ходаковского Погодину удалось опубликовать.⁴ В 1852 г. бумаги Ходаковского вместе с собранием М. П. Погодина были приобретены Публичной Библиотекой в Петербурге. Следует добавить, что сюда попали не все рукописи Ходаковского, бывшие собственностью Погодина; значительную их часть, почти все, что было Погодиным опубликовано, последний задержал у себя. Часть собрания песен Ходаковского в 80-е годы была разыскана на Украине и в настоя-

¹ К. По л е в о й. Записки. СПб., 1888, стр. 213—219.

² Вестник Европы, 1827, № 22. Краткие выписки, известия и замечания, стр. 155.

³ М. П. П о г о д и н. Исследования, замечания и лекции о русской истории. М., 1846, т. II, стр. 398.

⁴ Погодин опубликовал следующие работы Ходаковского: 1) Пути сообщения в древней России; 2) Историческая система Ходаковского; 3) Отрывок из путешествия Ходаковского по России; 4) Донесение о первых успехах в России Э. Доленги-Ходаковского, из Москвы, 13 июля 1822 г. Все эти труды напечатаны в I, III и VII томах Русского Исторического сборника, изд. Обществом истории и древностей российских. М., 1837—1844.

щее время хранится в Отделе рукописей Украинской Академии наук. Кое-что из рукописей Ходаковского попало в Польшу и в частности в Библиотеку Варшавского университета. Значительная часть архива Ходаковского продолжает оставаться в неизвестности, если только не погибла бесследно.

Как исследователь городищ, Ходаковский имел последователей в лице Д. Я. Самоквасова, И. И. Срезневского, А. А. Спицына и многих других русских и зарубежных ученых. Выдвинутая им теория городищ, как целое, не была принята позднейшей наукой, однако за Ходаковским осталась заслуга первого исследователя вопроса, оставившего ряд замечаний о границах и характере поселений древних славян, замечаний, не утративших своего значения и до настоящего времени. Получил признание в науке и широко применявшийся Ходаковским метод использования в исторических исследованиях данных исторической географии.

Гораздо большее значение имела деятельность Ходаковского — этнографа. Он был не только собирателем фольклора, но и замечательным знатоком народного быта. Даже недружелюбно относившийся к Ходаковскому П. И. Кеппен писал о нем: „К отличным свойствам нашего исследователя причислить должно способность его беседовать с простолюдинами. На торжищах, в хижинах их, в своей собственной обители, он и жена его всегда с успехом умели пользоваться их простодушными повествованиями, преданиями, местными познаниями и самым суеверием. Таким образом, он успел собрать драгоценные материалы, в числе коих мы всегда, с особенным удовольствием, вспоминали о географических его фолиантах и собрании народных песней, подслушанных им как в Польше, так и в России, и обыкновенно записывавшихся со слов самих поселян“.¹

Примеру Ходаковского, — собирателя народного поэтического творчества, начали следовать многие из романтически-настроенной молодежи. В Польше, по примеру Ходаковского, собирал народные песни Вацлав Залесский, в России — М. А. Максимович и П. В. Киреевский.²

Самобытная личность Ходаковского начинает привлекать внимание литераторов, увлеченных идеей народности.

Много лет спустя после смерти Зориана Доленги-Ходаковского, в письме от 9 ноября 1833 г. Н. В. Гоголь писал к своему земляку М. А. Максимовичу, готовившему новое издание „Украинских народных песен“:

„Я очень порадовался, услышав от вас о богатом присовокуплении песен из собрания Ходаковского. Как бы я желал теперь быть с вами и пересмотреть их вместе, при трепетной свече, между стенами, уби-

¹ Библиографические листы П. И. Кеппена 1825 года. СПб., 1826, стр. 563.

² П. Безсонов. Белорусские песни. М., 1871, стр. 24.

тыми книгами и книжной пылью... Моя радость, жизнь моя! Песни! Как я вас люблю!"¹

В начале 1834 г., выполняя просьбу Гоголя, Максимович отправил ему во временное пользование копию собрания песен Ходаковского. В письме от 20 апреля 1834 г. Гоголь писал Максимовичу: „Благодарю тебя за песни. Я теперь читаю твои толстые книги; в них есть много прелестей“. Следует думать, что „толстые книги“ Ходаковского Гоголь² изучал серьезно и долго не расставался с ними, о чем можно судить по его письму к матери от 5 февраля 1838 г., в котором он просил ее отослать в Киев к профессору Максимовичу две толстые рукописные книги.³ Помимо Максимовича, Гоголя и П. В. Киреевского, можно назвать еще В. Г. Анастасевича и К. Ф. Калайдовича, которым собрание песен Ходаковского было хорошо известно и которые учитывали и частично использовали его в своей литературной деятельности.⁴

По заключению А. Н. Пыпина, серьезно изучавшего деятельность Ходаковского как этнографа, заслуга последнего состояла в том, что „интерес к древности он из сухого книжного антикварства перенес на живую почву народности“.⁵ В этой оценке роль Ходаковского несомненно преувеличена. Но как бы критически ни отнеслись мы к названной статье, нельзя не согласиться с тем, что Ходаковский был одним из первых представителей того направления в этнографии, которое рассматривало народную жизнь и поэтическое творчество не только как предмет бесстрастного изучения, но и как источник плодотворного влияния на литературу и искусство.

Эта довольно видная роль Доленги-Ходаковского как этнографа, а отчасти и как историка, обязывает нас со всей серьезностью отнестись к замечанию Пушкина о Ходаковском как о знатоке „Слова о полку Игореве“.

В печатных работах Ходаковского никаких высказываний о „Слове“ мы не находим. Никаких указаний об изучении древнейшего памятника русской литературы Ходаковским не находим мы и в трудах и переписке М. П. Погодина, хотя от Погодина, изучавшего, издававшего и хранившего труды Ходаковского, с одной стороны, и большого ценителя и знатока „Слова“, — с другой, — этих указаний больше

¹ Н. В. Гоголь. Полное собрание сочинений. АН СССР, т. X, Письма, стр. 284.

² Там же, стр. 311.

³ Письма Гоголя. Ред. В. И. Шенрока. СПб., 6 г., т. I, стр. 475.

⁴ См. цит. соч. П. Безсонова (стр. 21), где о собрании песен Ходаковского сказано, что после смерти собирателя оно „разошлось по разным рукам“ и что белорусская часть его находилась у Калайдовича, и письмо митрополита Евгения к В. Г. Анастасевичу от 30 июля 1820 г. (Русский архив, 1889, № 7, стр. 362).

⁵ А. Н. Пыпин. История русской этнографии. СПб., 1891, т. III, стр. 68. — Статья А. Н. Пыпина о Ходаковском первоначально появилась в „Вестнике Европы“ (1886, ноябрь, стр. 305—357).

всего и следовало бы ожидать. И тем не менее, замечание Пушкина не является обмолвкой и находится в полном соответствии с истиной.

Ходаковский действительно настойчиво и долго изучал „Слово“ и высказывался о нем. И если мы не можем в настоящее время восстановить в полном виде его работу над древней поэмой, то следы наблюдений Ходаковского над „Словом“ вполне поддаются извлечению именно из тех рукописей Ходаковского, которые до 1852 г. были собственностью Погодина, а затем были переданы в Публичную Библиотеку в Ленинграде.

Замечания Ходаковского о „Слове о полку Игореве“ обнаруживаются главным образом в двух его рукописях, одна из которых состоит из переплетенных в один том документов и заметок самого разнородного содержания, а другая, состоящая из четырех огромных переплетенных томов, уже вошла в литературу под названием „Географического словаря“ Ходаковского.

В первой рукописи интересующие нас записи и заметки сосредоточены главным образом в помещенной в конце тома тетради, которой Ходаковский дал следующее название: „Словарь старинных польских выражений“ („Słownik starodawnych polskich wyrazów“).

Первоначально, как следует полагать, тетрадь была предназначена для выписок из указанного на заглавном листе польско-немецко-французского словаря Михаила-Авраама Трока, изданного в Лейпциге в 1764 и переизданного в 1802 году.¹

С течением времени, однако, Ходаковский начал делать выписки из составленного Неедлым Чешско-немецкого словаря, из изданного в 1704 г. в Москве Ф. Поликарповым „Славяно-греческо-латинского трехязычного лексикона“, из „Нового российско-французско-немецкого словаря, сочиненного по Словарю Академии“ Иваном Геймом (Москва, 1799), а также из других, преимущественно на русском языке издаваемых книг и журналов. В итоге названная тетрадь Ходаковского оказалась на добрую половину заполненной выписками на русском языке, хотя почти всегда и всюду Ходаковский писал по-русски, пользуясь латинским шрифтом.

Судя по тому, что ссылки на знаменитый „Словарь языка польского“ Самуэла Богумила Линде в самых ранних записях названной тетради отсутствуют, а в записях, сделанных почерком более позднего времени, встречаются в обильном количестве, можно заключить, что работу над перечнем „старинных выражений“ Ходаковский начал около 1810 г. до приобретения им словаря Линде, первый том которого увидел свет в конце 1810 г. Закончилась работа над названной тетрадью — судя по цитируемым изданиям и почерку — около 1819 г., и надо полагать — в связи с приездом Ходаковского в Петербург.

¹ Nowy Dykeyonarz, to iest Słownik Polsko-niemiecko-francuzki przez Michela Abrahama Troka, warszawianina.

Несмотря на то, что порядок листов во всем томе самым варварским образом нарушен переплетчиком, в интересующей нас тетради нетрудно восстановить принятый автором алфавитный порядок размещения главных слов с некоторыми, впрочем, отступлениями от него, повторениями и пропусками.

На обороте 80-го листа под словом „Соловей“ (Słowik) находится запись, которая своим объемом останавливает наше внимание прежде, чем остальные:

„Соловей древних лет, Велесов внук, Боян вещий. Боян сладкие песни певал в похвальбу старому Ярославу, храброму Мстиславу, красному Роману. Его песни и гусли раздавались по Новгороду Великому; громкая славушка пронеслась о нем до стольного города до Киева. А за то, что он складно песенки складал, что сладко их певал, что честно князей величал, и та улица, где он жил, прозвана Бояновой; а и той ли улице так во век прослыть, Новгороду на славу, молодым певцам на поученье“.

„В Ироической песни о походе на половцев Игоря Святославича, — записывал здесь же Ходаковский, — Боян назван Вещим, т. е. мудрым, многоведущим, внуком бога Велеса и Соловьем древних лет. Смотри Песнь сию, стр. 2, 6 и 7. Но где он воспевал свои песни, о том ничего не упомянуто. Он прославлял Старого Ярослава, то есть Первого. А Ярослав в Новгороде больше жил, нежели в Киеве. Из сего заключить можно, что Боян был Новгородец; ибо, ежели бы он был Киевлянин, то без сомнения воспел бы Владимира, отца Ярославова, гремевшего тогда в Южном Краю Европы победами и многими славными делами“.¹

Обе эти записи Ходаковского представляют собой отрывок и соответствующее ему примечание из изданной в 1808 г. П. Львовым „Повести о Мстиславе I Володимировиче, славном князе Русском“. Это было одно из первых прозаических произведений русской литературы, написанных под сильным влиянием „Слова о полку Игореве“.

Аналогичную выписку находим мы в упомянутой тетради Ходаковского и в другом месте, на обороте 114-го листа, где под словом „волк“ Ходаковским записаны следующие стихи:

... Кой² воспел князей, когда хотел,
По древам носился мыслями,
Серым волком по земле бежал,
По поднебесью орлом парил.

¹ Сделанные Ходаковским латиницей записи русских текстов как здесь, так и в дальнейшем, приводятся нами в русской транскрипции; в русской транскрипции и в переводе на русский язык даются и следующие ниже объяснения Ходаковского; польский язык и латинский шрифт сохранен только для тех польских или иностранных слов и выражений, которые являются предметом объяснения Ходаковского.

² Боян. Примечание Ходаковского.

Серым волком скажут по полю,
Ищут чести, славы князю их.

На коня то вскочит борзого,
То соскочив с него, как волк босый,
Мчится к лугу он Донецкому.

Приведенные отрывки, выбор и расположение которых свидетельствует об интересе Ходаковского к символике волка в древней поэме, являются выписками из опыта перевода „Слова“ „русскими дактилохорейческими стихами“ Н. Язвицкого. Перевод этот появился в 1812 г.,¹ и вероятно сразу же после выхода в свет, как и все наиболее значительное, что печаталось тогда о древнем памятнике, стал предметом восхищенного внимания Ходаковского. В его тетради мы не встречаем никаких критических замечаний ни о весьма посредственном переводе Язвицкого, ни о повести Львова, — неудачной попытке контаминировать собственную расплывчатую сентиментальную фразеологию с энергическим и сжатым языком гениальной поэмы. Заметим кстати, что выписок из „Повести о Мстиславе I Володимировиче“ в тетради Ходаковского большое количество. И Львов и Язвицкий интересовали Ходаковского прежде всего как энтузиасты „Слова о полку Игореве“ и по выпискам из них о взглядах самого Ходаковского на поэму судить, конечно, трудно. Тем не менее, некоторое представление об этих взглядах можно составить по небольшому комментарию к поэме, разбросанному в разных местах „Словаря старинных выражений“. Приводя отдельные слова или обороты из „Слова о полку Игореве“, Ходаковский указывает при этом источник словами: „Игорь“ или „Игорида“ (Igor, Igoryda). Перечень этих слов и оборотов вместе с объяснениями Ходаковского приводится ниже:

1. Пирогощя Богородица в Киеве упоминается в Игориде, мимо Боричева к ней ехал Игорь (л. 61 об.).²

2. Бусовы зловещи филины. Игорь (л. 72 об.).

3. Czolke, czoleczko, по-чешски: czułko, по-русски — лобок, лобочек, лобик. Повязка чела, женщинами употребляемая. Чолка и хоругвь со знаменем. Игорь (лл. 74 и 74 об.).

4. Чернядь пестроперая. Игорьь. — Чернядь (anas fuligola), гоголь (anas clangula) (лл. 74 об. и 112 об.).

5. Девы половецкие, красные, полные как светлый месяц. Игорьь Святославич (л. 75).

6. Солнце (solnce, slonce). В переносном смысле означало великих мужей. „Идут тучи с моря черные, скрыть хотят четыре солнца

¹ Н. Язвицкий. Игорьь Святославич, ироническая песнь. Чт. в Бес. люб. русск. сл. Кн. VI, СПб., 1812, стр. 32—54.

² В скобках как здесь, так и ниже, указаны листы рукописи Ходаковского, в которую вошла тетрадь „Старинных польских выражений“ (Публ. Библ. в Ленинграде, Собр. М. П. Погодина, № 2018).

вдруг“, то есть четырех русских княжичей. Игориды. Как на небе солнце светится, так князь Игорь в русской области. Игориды (л. 108 об.).

7. Стоять стязи в Путивле (Игоря песнь). Стяговник, знамя. Стяговный, стягивать. Гейм (л. 109).

8. Вещий Боян. Вещий у греков Калхас (л. 113 об.).

9. Бояна река, вытекая из озера Скутари, впадает в море недалеко от Рагузы (Boter, 136), отделяя ее от Албании (л. 80 об.).

10. Зегзица (Zygzak); полечу я по реке Дунаю зегзицей. Игориды (л. 115).

Интерес к лексике и образам древней поэмы заметен у Ходаковского во многих случаях даже и там, где он на нее и не ссылается. В приводимый ниже список мы вводим далеко не все слова и обороты из тетради Ходаковского, которые в его сознании несомненно ассоциировались со „Словом о полку Игореве“.

1. Див-дерево на Воляни—растет на уваженных местах, с колючими шишками, семена его вызывают бешенство (л. 76).

2. Японец (jаро́сца) бурская, червчатая. Опонча (оро́сца) червчатая из города Бурга в департаменте Франц(ии) Берри (л. 81).

3. Лелею—piesczą, kolysam; под звуком труб повиты, под шеломами возлелеяны. Повесть о Мстиславе I Володимировиче (л. 86).

4. Сизый орел в „Повести о Мстиславе I“. Орел (orel, orzel) в славянских повестях и песнях означает предвестие, возвешение, посольство; наоборот, орлица, теряющая детей, означает дурную славу, клевету¹ (лл. 103 и 108).

5. Паволока княжеская. Повесть о Мстиславе I. „Святослав от них (греков) не хотяше брать ни золота, ни серебра, ни бисерцы, точию оружия, щиты, мечи и паволоки, чего ради смуты весь народ греческий“. Синопис, стр. 39 (л. 104).

6. Rzegotać, skrzeczeć, соахаре, по-русски—рокотать (brzmieć, brzęczeć). Живые струны зарокотали. Повесть о Мстиславе I (л. 107 об.).

7. Серьга с жемчугом, zausznicą s perłami, 1356 г. В Духовной кн. Иоанна Иоанновича (л. 108).

Если в приведенном комментарии и нет никаких выдающихся находок, то вместе с тем он несколько не уступает тем объяснениям древнего памятника, которые были даны первыми его исследователями, и свидетельствует о настойчивом желании Ходаковского уяснить „Слово“. В своей работе над ним Ходаковский стал на путь объяснения лексики и образов поэмы путем сравнения с другими памятниками древне-русской и славянской письменности. Список литературы, кото-

¹ Ходаковский ссылается здесь на украинскую песню, которую, по его словам, поют „под Кремендем“: „Погубила орличевька діти“.

рой пользуется Ходаковский, обширен: словари на разных языках, летописи, грамоты. Он привлекает для сравнения и народное творчество, ибо в народной поэзии, согласно твердому убеждению Ходаковского, сохранились пережитки глубокой древности.

В нескольких случаях Ходаковский цитирует древнюю поэму не совсем точно, по памяти, он знает ее наизусть. „Слово о полку Игореве“ было для Ходаковского произведением большого значения, национальной эпопеей, „Игоридой“, и служило для него не только предметом изучения, но и стимулом в его исторических исследованиях.

В „Словаре старинных выражений“ нашел отражение ранний период в занятиях Ходаковского „Словом о полку Игореве“. Безусловно более плодотворными были его занятия в петербургский и московский периоды его жизни (1819—1824), когда он знакомится и общается с Карамзиным и другими русскими историками и археографами, главным образом, членами „Общества истории и древностей российских“.

К сожалению, о последующих наблюдениях Ходаковского над древней поэмой мы можем судить лишь на основании маргиналий на принадлежавшем ему экземпляре „Истории Государства Российского“¹ и главным образом на основании его Историко-географического словаря. Названный словарь состоит из четырех огромных томов, общим объемом свыше 3500 страниц (1864 листа), и представляет собой алфавитный перечень древних славянских географических названий, составленный Ходаковским по материалам его личных поездок и экспедиций, архива межевой канцелярии, летописей, грамот, а также монастырских и писцовых книг. Словарь Ходаковского не был учтен ни И. Д. Беляевым, ни Н. П. Барсовым, ни другими специалистами в исторической географии и своего значения не потерял и до сих пор.

Некоторую пользу может оказать Историко-географический словарь Ходаковского и комментаторам „Слова“. Один пример такого обращения если не к Словарю Ходаковского, то к извлечению из него, напечатанному Погодиным в 7-м томе „Русского исторического сборника“, мы можем найти в исследовании Е. В. Барсова. Говоря о возможном переносном значении слова Дунай в „Плаче Ярославны“, Е. В. Барсов ссылался на Ходаковского, который привел в своем „Донесении“ более сорока географических названий с корнем „Дунай“, разбросанных на огромной территории от Балкан до Волги.²

¹ На экземпляре „Истории Государства Российского“ (I, II и III томы, Гос. Публ. библ. в Ленинграде, Собр. Погодина, № 2022) в местах, где Карамзин цитирует „Слово“, Ходаковский выписывает оттуда многие слова: болонье, Шоломя, живой огонь, русское золото, лелеять корабли, Деремела, харалужные мечи, чернеть, гоголь и др. На некоторых маргиналиях Ходаковского, относящихся к „Слову о полку Игореве“, мы остановимся ниже.

² Е. В. Барсов. „Слово о полку Игореве“ как художественный памятник Киевской дружинной Руси, т. III, М., 1890, стр. 225.

Если бы Е. В. Барсову был известен „Историко-географический словарь“ Ходаковского, то он обратился бы к нему и при комментировании других слов памятника, в частности при объяснении слова „б е б р я н“.

Известно, что объяснение этой формы для комментаторов древней поэмы долгое время представляло затруднения. В 1844 г. Дубенский, указывая на встречаемую в летописях форму б о б р, не мог указать в древней русской письменности ни одного примера употребления формы „б е б р ь - б е б р я н“.¹ Эта форма была найдена лишь в 1866 г. Н. Тихонравовым.² Два дополнительных примера существования формы б е б р ь - б е б р я н привел Е. В. Барсов, разыскав их в географических названиях.³ В первом томе Словаря Ходаковского, в гнезде Б о б р, мы находим пять аналогичных названий, могущих служить материалом для комментария к „Слову о полку Игореве“.⁴

Словарь, по замыслу составителя, должен был отвечать потребностям не только исследователя-историка, но также и потребностям филолога и этнографа. Ходаковский подводил в нем под те или иные гнезда объединенные общим смыслом и корнем слова, нередко нарушая их алфавитный порядок. При составлении Словаря Ходаковский постоянно держал в поле своего зрения „Слово о полку Игореве“. Значительное число географических терминов древней поэмы (Деремела, Дон Великий, Малый Донец, Немига, Посулие, Рим, Стugna, Тьмутрокань и др.) с обязательным указанием на то, что они упоминаются в „Слове о полку Игореве“, нашли место в историко-географическом словаре Ходаковского. „Слово“ интересовало автора Словаря не только своей топонимикой, но и вообще всем тем, что оставалось в нем неразъясненным. В одном месте Словаря, в гнезде „Звон“, на вклеенном листке мы находим сделанную Ходаковским заметку: тект-цект дятла (tekt-cekt dzięciolowy).⁵ Совершенно очевидно, что Ходаковский хотел указать здесь на существующий в польском языке глагол цёкаць, цёкаць (сёскаć, сёкаć), которому в словаре Линде даны следующие русские эквиваленты: тюкнуть, тюкать, чокнуть, чокать.⁶ Думается, что подобное указание не лишено известного интереса.

¹ Д. Дубенский. „Слово о полку Игореве“ святъславля пестворца старого времени. М., 1844, стр. 213.

² Н. Тихонравов. „Слово о полку Игореве“. М., 1866, стр. 25.

³ Е. В. Барсов, ук. соч., стр. 15.

⁴ Помимо двух, отмеченных Барсовым, названий, у Ходаковского находим три дополнительных: Бебро озеро в Новгородском уезде, река Бебря у Дорогобужа (левый приток Днепра) и Бебрина над Савой. Публ. библи. в Ленинграде, Собр. М. П. Погодина, № 2018, Ист.-геогр. сл. Ходаковского, т. 1 (Баба—Исток), л. 59 об. — Ниже при ссылках на названный словарь Ходаковского мы будем ограничиваться указанием тома и листа.

⁵ И.-г. словарь, т. IV (Скала — Жив), л. 427.

⁶ S. V. Linde. Słownik języka polskiego, Lwow, 1854, t. I, str. 222 и 311. — Здесь же отметим замечание Ходаковского, сделанное им в III томе „Истории Государства Российского“ (стр. 536) и относящееся к следующему, цитируемому Карам-

Наши представления о Ходаковском как комментаторе „Слова о полку Игореве“ заметно дополняются теми страницами Словаря, которые отведены географическим названиям с корнем Тур.¹

Еще в своем „Словаре старинных выражений“ Ходаковский записал: „Тура мясопустного дети бояться. Трок. Тура по колядке давней водили на Украине иногда от одного села к другому“ (л. 111 об.). В той же тетради (л. 61) находим и такую запись: „Ингварь имя слав[янского] в «Игориде» — то ж Буйтур“.

Большое количество славянских географических названий типа Тургород, Тур-озеро, Турьи горы, Туровск и т. п., а в „Словаре“ это самое большое гнездо слов — свыше ста названий, — Ходаковский объяснял огромным значением тура в жизни и верованиях древних славян. В „Донесении о первых успехах путешествия в России Зориана Долуги-Ходаковского“ 1822 г. указывается даже на то, что тур употреблялся древними славянами для жертвоприношений.²

Ходаковский несомненно преувеличивал значение языческой обрядности в образовании географических названий. Тем не менее, он настойчиво боролся с явно несостоятельными попытками возводить топонимику к мифологическим князьям и героям.

„Нескладные сии выдумки летописцев, — писал в связи с этим Ходаковский, — а может быть только их переписчиков не заслуживают повторения“.³

Таким образом, не имена князей и не случайности иного рода, а более устойчивые и долговременные особенности жизни и быта древних обитателей края обуславливали, по мнению Ходаковского, как состав их географической номенклатуры, так и поэтические их представления.

На полях „Истории Государства Российского“, в том месте, где Карамзин уверенно производит название города Турова Минской губернии от имени варяга Тура, „повелевавшего некогда сей областью“ (т. I, стр. 118), Ходаковский подчеркивает это имя и иронически добавляет от себя: „который был с рогами“.

Неоднократное упоминание имени тура в „Слове о полку Игореве“ (рыкают аки тури, Яр-тур, Буй-тур), с точки зрения Ходаковского

зным месту из „Слова о полку Игореве“: „Ингварь и Всеволод, и вси три Мстиславичи, не худа гнезда шестокрильци“. Подчеркнув слово шестокрильци, Ходаковский отметил на полях: „от крыльев, которые носили на плечах“ (od skrzydeł na ramionach poszponych). Нам не удалось пока найти подтверждения этой догадки Ходаковского, однако, судя по тому, что геральдика была предметом его специальных занятий, можно полагать, что для подобного объяснения слова „шестокрильци“ он имел веские основания.

¹ И.-г. словарь, т. IV (Скала—Жив), лл. 249—251.

² „Донесение о первых успехах путешествия в России Зориана Долуги-Ходаковского. Публ. библ. в Ленинграде, Собр. Погодина, № 2017, л. 239.

³ Там же, л. 239 об.

явилось верным отражением характерных особенностей жизни, быта и поэзии древних славян, явлением отнюдь не случайным.¹

В Историко-географическом словаре Ходаковского мы находим также хотя и небольшой, но весьма любопытный комментарий, относящийся к следующему замечательному по экономии языковых средств и выразительности месту из „Слова о полку Игореве“, в котором изображаются трагические последствия поражения Игоря: „Се у Рим кричат под саблями половецкими, а Володимир под ранами. Туга и тоска сыну Глебову!“.

Согласно предположению Н. М. Карамзина, Риму „Слова“ или Римову русских летописей соответствует современный город Ромны. Долгое время эта точка зрения разделялась всеми историками и исследователями „Слова о полку Игореве“.

Достаточно указать на то, что еще в 1907 г. в „Географическом указателе“ Археографической комиссии к „Полному собранию русских летописей“ названная точка зрения Карамзина не отвергалась полностью. Однако уже в 1850 г. М. П. Погодин указал на то, что „Ромен в Духовной Мономаховой упоминается особо от Римова“, и высказал предположение, что последнему соответствует селение Рим на границе уездов Роменского, Лохвицкого и Прилуцкого.² В 1852 г. к мнению Погодина присоединились И. Д. Беляев³ и С. М. Соловьев.⁴ Новую точку зрения о местонахождении летописного города Римова высказал в 1907 г. В. Г. Ляскоронский. Последний полагал, что летописный Римов должен был находиться еще далее, чем селение Рим, в юго-западном направлении от Ромен, ближе к тому пути, по которому обычно набегали на Киевскую Русь половцы.⁵ К точке зрения В. Г. Ляскоронского приближался в своем исследовании „Слова о полку Игореве“ и акад. А. С. Орлов. Не выразив своего отношения к гипотезе Погодина—Беляева—Соловьева, А. С. Орлов предлагал искать местонахождение города Римова в нижнем течении Сулы.⁶ Несмотря

¹ Правильность и самостоятельный характер подобных экскурсов Ходаковского в область исторической географии и народного творчества станет очевидной, если вспомнить, что даже через несколько лет после смерти Ходаковского М. Т. Каченовский с кафедры Московского университета силился утверждать, что тур — это название кавказского барана, и, обнаруживая странное нежелание обратиться к летописным и другим источникам, наличием этого слова в древней поэме тшился доказать ее поддельный характер. Уч. зап. Моск. ун-в., 1834, ч. V, стр. 457.

² М. П. Погодин. Исследования, замечания и лекции из русской истории. М., 1850, т. IV, стр. 266—267.

³ И. Д. Беляев. О географических сведениях в древней России. Зап. и. Русск. геогр. общ., СПб., 1852, кн. VI, стр. 94.

⁴ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. М., 1852, т. II, стр. 411 и VI (прим. 456).

⁵ В. Г. Ляскоронский. Русские походы в степи в удельно-вечевое время. СПб., 1907, стр. 9—10.

⁶ А. С. Орлов. „Слова о полку Игореве“. М.—Л., 1946, стр. 123. — В отличие от Погодина, Беляева и Соловьева, которые рассматривали вопрос о летописном

на то, что названная гипотеза В. Г. Ляскоронского совсем недавно была поддержана К. В. Кудряшовым,¹ признать ее убедительной нельзя, так как она не находит никакого подтверждения в топонимике местности, а предложенные Ляскоронским и Кудряшовым, как производные от Римов, современные названия: Малая Буромка и Супромы противоречат всяким правилам видоизменения географических названий и поэтому не могут быть признаны удачными.

Достоин внимания то обстоятельство, что гипотеза Погодина—Беляева—Соловьёва тридцатью годами ранее в очень скромной форме была высказана Зорианом Доленгой-Ходаковским, у которого она, вероятно, и была заимствована Погодиным. В четвертом томе Словаря Ходаковского, на обороте 332-го листа, читаем: „Рим — село в Прилуцком уезде, у истока Глиной, впадающей в Удай. Замок здесь. 1185. Карамзин, т. III, прим. 72. Урим в Слове о полку Игореве“.

Ходаковский настолько твердо придерживался своего взгляда в отношении местонахождения Рима — Римова, что в своем экземпляре „Истории Государства Российского“, в трех случаях, где Карамзин отождествляет Римов с Ромнами (т. III, стр. 66, 431 и 432), Ходаковский зачеркивает последние и исправляет на: „село Рим в Прилуцком уезде“.

Ходаковский говорил о себе, что он пешком исходил славянские земли „от Шлезии до Москвы и от берегов Днестра до Белозерского уезда“. На какие данные он полагался, делая заметку о селении Рим: „Замок здесь“? На собственные воспоминания? На показания старожил или очевидцев? Если это замечание Ходаковского соответствовало истине, а в добросовестном характере его работы над Словарем ни малейших сомнений у нас не возникает, то оно является дополнительным доводом в пользу отождествления села Рим Прилуцкого уезда с летописным Римовым и Римом „Слова о полку Игореве“.

Внимание исследователей „Слова о полку Игореве“ должна привлечь также и попытка Ходаковского определить местонахождение р. Немиги.

Небольшой отрывок древней поэмы, в котором с мастерством изумительным и неповторимым увековечена битва 1067 г. Всеслава Полоцкого с Ярославичами („На Немизе снопы стелют головами, молотят

Римове безотносительно к Риму „Слова о полку Игореве“, А. С. Орлов сделал в своем исследовании весьма ценное замечание о том, что летописец, называя в одном случае город Римовым, прилегающее к нему болото именует не Римовским, а Римьским, что позволяет нам уверенно отождествлять летописный Римов с Римом „Слова о полку Игореве“. Добавим к этому от себя, что в пользу отождествления Римова и Рима свидетельствует еще одно место Ипатьевской летописи под 1185 г.: „идуши же мимо (половцы. — Ф. П.) приступиша к Римови“. Здесь Римови является дательным падежом от именительного Рим, подобно тому, как дательным падежом является употребляемая в этой же летописи и в этом же месте форма к Донови (=к Дону): „хотя ити на Половци к Донови на все лето“. Дательный падеж от „Римов“ был бы: к Римову.

¹ К. В. Кудряшов. Половецкая степь. М., 1948, стр. 74—76.

чепи харалужными, на тоце живот кладут, веют душу от тела. Немизе кровави брезе не бологом бяхуть посеяни, посеяни костью русских сынов“), вдохновлял Гнедича, Катенина, Пушкина и других русских поэтов.

Однако в научных исследованиях о древней поэме определению местонахождения Немиги почти не уделялось внимания. Где же происходила знаменитая битва? Первые переводчики „Слова“ отождествили Немигу с Неменем. Это наспех сделанное отождествление подкрепил своим авторитетом Карамзин, и с тех пор на протяжении столетия оно повторялось или подразумевалось почти всеми исследователями и переводчиками „Слова о полку Игореве“, даже в тех случаях, когда последние для сохранения колорита древности и сохраняли название Немига. Достаточно сказать, что Е. В. Барсов в 1890 г. не решался предложить свое решение этого вопроса, хотя и сомневался в правильности мнения о нем Карамзина.¹ Однако в 1850 г. тот же М. П. Погодин высказал предположение, что Немигой, упоминаемой в „Слове“, мог быть проток в Минске, впадающий в Свислочь с правой стороны, оговорившись при этом, что Ходаковский, открыв Немигу в Минске, не решался считать ее местом битвы 1067 г.²

В очень осторожной форме отождествление Немиги „Слова“ с Немигой в Минске, вероятно не без влияния Погодина, сделал в 1865 г. Н. П. Барсов.³ В 1871 г. он повторил свою точку зрения в более, настойчивой и развернутой форме.⁴

Последним по времени исследователем, который занимался определением местонахождения Немиги, был К. В. Кудряшов.⁵ Идя в своих умозаключениях самостоятельным путем, Кудряшов весьма убедительно доказывает, что Немиге „Слова“ соответствует ныне не существующая река, протекавшая через окраину Минска и впадавшая в Свислочь.

Зориана Доленгу-Ходаковского вопрос о местонахождении реки Немиги интересовал вероятно больше, чем кого-либо из исследователей. В третьем томе его Историко-географического словаря (на обороте 64-го листа) дан пространный перечень географических названий, родственных по звучанию с Немигой. Мы приведем здесь только часть этих названий:

Немига — озеро в Валдайском уезде в Илятине.

Немиги — в Гдовском на р. Чутке.

Немига — часть г. Минска, что над Свислочью.

Немига — в „Слове о полку Игоря“. Река. „На Немизе...“

Кар[амзин] (т. II, прим. 118) полагал, что это река Неман. 1067“.

¹ Е. В. Барсов, ук. соч., т. III, стр. 222.

² М. П. Погодин, ук. соч., стр. 305.

³ Н. П. Барсов. Материалы для Историко-географического словаря России. Вильно, 1865, стр. 149.

⁴ Н. П. Барсов. Очерки русской исторической географии. Варш. унив. изв., 1873, № 4, стр. 84.

⁵ К. В. Кудряшов, ук. соч., стр. 78—79.

Из того, что Немига из „Слова о полку Игореве“ помещена в Словаре под Немигою в Минске можно заключить, что, вопреки мнению Погодина, у Ходаковского было убеждение в идентичности этих названий. Об этом же и в более ясной форме говорят и замечания ученого на принадлежавшем ему экземпляре „Истории Государства Российского“. В двух случаях (т. II, стр. 71 и т. III, стр. 216) Ходаковский подчеркивает в тексте Немен и исправляет на полях на Немига, а в одном месте (т. II, стр. 380) против слов Карамзина: „Летописец называет реку Немен Немизою“ Ходаковский пишет: „Немига — поток в Минске и город недалеко от Орши“.

Гипотеза о тождестве Немиги в летописях и „Слове о полку Игореве“ с Немигой в Минске, впервые выдвинутая Ходаковским и не только не отвергнутая до настоящего времени, но, наоборот, неоднократно подтвержденная другими исследователями, наилучшим образом свидетельствует как о самостоятельности мысли, так и о глубине исторических познаний Зориана Доленги-Ходаковского.

В заключение изложим здесь подсказываемый Словарем Ходаковского вывод в отношении „монастыря на Дудутках“.

В свое время Е. В. Барсов, останавливаясь на этом слове, писал: „Все без исключения комментаторы и переводчики «Слова» повторяют в данном случае мнение того же Карамзина, что Дудутки — местечко, близ Новгорода, где и теперь монастырь, так называемый на Дудутках. Где это местечко и что это за монастырь — до сих пор никто не проверил. Неволин в своих «Новгородских пятинах» не сделал на то ни малейшего намека“.¹

Полезно заметить, что никакого намека на „монастырь на Дудутках“ близ Новгорода не сделал также и митрополит Евгений, автор „Исторических разговоров о древностях Великого Новгорода“, изучавший последние не только по книгам, но и практически, исполняя в течение ряда лет (1804—1808) должность vicария новгородского. К тому же, описание монастырей было специальностью митрополита Евгения. Тем не менее, когда в 1814 г. К. Ф. Калайдович обратился к нему за разъяснением нескольких трудных слов из „Песни Игоревой“ (а одним из трудных слов Калайдович считал и Дудутки), то Евгений ответил Калайдовичу отказом.

Несмотря, однако, на всю шаткость гипотезы Карамзина в отношении Дудуток, на протяжении ста с лишним лет, насколько нам известно, только два исследователя „Слова о полку Игореве“ высказали о Дудутках точку зрения, отличную от Карамзина. Первый из них — В. Г. Анастасевич — полагал, что Дудутки — это Будутки, или Будутина весь — село княгини Ольги, упоминаемое в Никоновской летописи. Анастасевич подгадал, что это село находилось под Псковом.²

¹ Е. В. Барсов, ук, соч., т. III, стр. 222.

² Об этом подробно рассказано в моей заметке „«Слово о полку Игореве» в оценке 1814 года В. Г. Анастасевича“. „Слово о полку Игореве“, Сб. ст. под ред. В. П. Адриановой-Перетц. Л., 1950, стр. 296 и сл.

Второй из названных исследователей — И. Д. Беляев, отождествлял Дудutki „Слова“ с нынешним селением Дудичи, расположенным к югу от Минска.¹

В первом томе Словаря Ходаковского в гнезде Дуда собрано около сорока названий типа Дудичи, Дуды, Дудки. Среди них — названия селений, монастырей, ручьев и даже мельниц. Однако все они удалены от Новгорода территориально, и может быть отчасти поэтому запись Ходаковского на листе 328-м — „Дудutki в «Слове о полку Игоря»“ осталась не расшифрованной.

Ходаковский был знатоком новгородских древностей. Во время своего путешествия 1820—1821 гг. он посещал Новгород и к этому посещению тщательно готовился, получая многочисленные наставления и сведения о Новгороде от любителей старины, в том числе и от митрополита Евгения.²

Под Новгородом в 1820 г. Ходаковский раскапывал так называемую „могилу Гостомысла“. Здесь же неутомимо собирал он сведения о новгородских древностях от местного населения. В особой рукописи (собр. Погодина, № 2018, т. VI), куда Ходаковский вносил бытующие у славянских народов названия различных растений, животных и предметов домашнего обихода, Новгород стоит на первом месте: мы находим там около сотни разных названий, записанных от жителей Новгородского уезда. Новгородские древности и топонимика самым исчерпывающим образом представлены также и в Историко-географическом словаре Ходаковского. Вот почему отсутствие в этом словаре расположенного близ Новгорода „монастыря на-Дудутках“ свидетельствует о том, что принятый на веру комментаторами „Слова“ „монастырь на-Дудутках“ является печальным недоразумением, порожденным случайной ошибкой знаменитого историографа.

Таковы те несколько замечаний и мнений о „Слове о полку Игореве“, которые нам удалось извлечь из двух черновых рукописей, некогда принадлежавших Зориану Доленге-Ходаковскому. Злоключения, которым подвергалось литературное наследство этого даровитого и самобытного ученого, не позволяют заключить, были ли у него работы, специально посвященные древней поэме. Тем не менее, ознакомление с остатками его бумаг не оставляет никакого сомнения в том, что собранные в настоящей статье мнения Ходаковского являются лишь небольшой частью того, что было в разное время и по разным поводам сказано им в отношении „Слова о полку Игореве“.

Совершенно очевидно, что пылкий взгляд Ходаковского был прикован к древнему памятнику на протяжении многих лет.

Насколько велико было восхищение Ходаковского „Словом“, настолько же сильным было его желание объяснить темные места древней

¹ И. Д. Беляев, ук. соч., стр. 165.

² См. письмо митр. Евгения к В. Г. Анастасевичу от 9 авг. 1820 г. из Пскова. Русск. арх., 1889, № 7, стр. 364.

поэмы. Если в этой работе Ходаковский и впадал иногда в ошибки, объясняемые как условиями времени, так и несовершенством его собственного метода, то в основном в истолковании „Слова о полку Игореве“ он стоял на правильном пути, проверяя и проясняя произведение не только памятниками древней письменности, но также и данными исторической географии и — что для того времени было особенно важно — сокровищницей народного поэтического творчества.

В работе над комментированием „Слова о полку Игореве“ Ходаковскому удалось разъяснить или приблизиться к разъяснению нескольких темных мест древней поэмы. Эта работа убеждала Ходаковского в полном соответствии поэмы об Игоревом походе с духом, обычаями, понятиями и языком Руси XII в. Понятно поэтому, что возгласы скептиков, независимо от того, чем они были продиктованы — заведомой ли предвзятостью, недомыслием или нежеланием углубляться в изучение предмета, — понуждали Ходаковского к страстной защите „Слова“.

Об этих устных выступлениях Ходаковского в защиту „Слова“ мы можем судить лишь на основании косвенных данных: по некоторым местам в исторических трудах Погодина и, главным образом, на основании мнения о Ходаковском Пушкина. Источником сведений великого поэта о Ходаковском был, как следует полагать, М. А. Максимович, который знал Ходаковского при жизни и с уважением относился к его ученым занятиям. Пушкин мог услышать характеристику Ходаковского от Максимовича еще при встрече с ним в 1829 г. Если судить об этой встрече по воспоминаниям Максимовича, она была посвящена обсуждению изданного Максимовичем в 1827 г. Сборника украинских народных песен, а также и тех песен, которые хранились у Максимовича, но в Сборник не вошли, т. е., вероятно также и песен из собрания Ходаковского, в состав которого входило немало песен, подобных той, которая особенно понравилась Пушкину („У Київї на Подолї порубанї груші, Погубив же пес Мазепа невинні душі“).¹ Для Максимовича, усматривавшего преемственную связь между древней поэмой и украинскими историческими песнями, воспоминание о Ходаковском в обстановке упомянутой встречи с Пушкиным было вполне уместным. Мнение свое о „Слове о полку Игореве“ и его „поэтическом однородстве“ с украинскими народными песнями Максимович доводил до сведения Пушкина вероятно еще до 1834 г., когда это мнение в новом издании песен Максимовича было высказано печатно, что подтверждается письмом Максимовича к П. А. Вяземскому от 17 февраля 1833 г.² Здесь же будет уместно указать и на то, что экземпляр своего нового издания украинских народных песен, в котором содержатся неодно-

¹ Литературный вестник, 1902, т. III, кн. 1, стр. 113.

² Старина и новизна, кн. IV, СПб., 1901, стр. 192—193.

кратные ссылки на Ходаковского, в 1834 г. Максимович подарил Пушкину.¹

Некоторые сведения о Ходаковском Пушкин мог получить также и от Гоголя, державшего у себя в 1833—1834 гг., как сказано выше, собрание песен Ходаковского и обсуждавшего в это же время вместе с великим поэтом вопросы, связанные с украинской народной песней.² Но в том и в другом случае первоисточником сведений Пушкина о Ходаковском выступает М. А. Максимович. Между взглядами М. А. Максимовича на древнюю поэму об Игореvem походе и аналогичными взглядами Ходаковского существовала несомненная, хотя до сих пор и не исследованная зависимость. В этой связи значительный интерес представляет следующее место из письма митрополита Евгения к В. Г. Анастасевичу от 12 июля 1820 года: „Жадничаю узнать, выхлопотал ли что ему (Ходаковскому. — Ф. П.) министр при отъезде государя. А я гадаю, что он ему объявит, что на сие (экспедицию. — Ф. П.) не последовало благоволения, к сожалению, как и часто так объявляют. Пусть лучше потрудится нам перетолковать по-своему Игореvu песнь собранными им песнями“³ (разрядка моя. — Ф. П.). Относившийся без всякого восторга к планам Ходаковского в отношении исследования славянских городищ, митрополит Евгений весьма благожелательно отнесся к тому, чтобы Ходаковский занялся объяснением „Слова о полку Игореve“ „по-своему“, т. е. методом сличения поэмы с русскими и украинскими народными песнями. Совершенно очевидно, что в названном письме митрополит Евгений высказывал не свое собственное пожелание, а излагал ставший ему известным замысел Ходаковского. Об этом замысле митрополит Евгений мог узнать при встрече своей с Ходаковским 1 октября 1819 г., о которой двумя днями позднее он сообщал тому же Анастасевичу: „Третьего ж дня сел было отвечать вам, но в 12-м часу ночи нечаянно явился ко мне Ходаковский и до 7 часу вечера занимал меня чтением своих теорий, на другой день тоже доканчивал и едет к вам тем же занять вас: приготовьтесь к терпению“.⁴

Таким образом, мы имеем основание утверждать, что уже в 1819 г. Ходаковский ставил перед собой задачу объяснения и доказательства достоверности „Слова о полку Игореve“ путем сличения его с народным песенным творчеством и что свои замыслы в этом отношении он настойчиво излагал своим друзьям.

Указание митрополита Евгения об этом замысле Ходаковского позволяет надеяться, что в рукописях ученого, которые не были

¹ Н. Лернер. Из истории занятий Пушкина „Словом о полку Игореve“. Пушк. общ. Серия: Последние годы творчества Пушкина (1833—1837), вып. 2, Л., 1934, стр. 107.

² Об этом см.: Русская старина, 1879, апрель, стр. 776, а также Вестник Европы, 1874, март, стр. 477.

³ Русский архив, 1889, т. 30, стр. 357.

⁴ Там же, стр. 218.

использованы при написании настоящей статьи, в будущем удастся разыскать неизвестные нам его замечания о древней поэме. Все эти замечания должны быть собраны и изучены. Даже в тех случаях, когда наблюдения Ходаковского над „Словом о полку Игореве“ и не дают уже ничего нового по сравнению с тем, что было сказано о нем последующими поколениями исследователей, — эти наблюдения и замечания сохраняют свою историческую ценность, как материал, характеризующий место и значение древнего памятника в общественной и литературной жизни начала XIX в.

Несмотря на то, что наши представления о Зориане Доленге-Ходаковском как об исследователе „Слова о полку Игореве“ еще далеки от требуемой полноты, даже изложенные выше материалы убеждают нас в том, что ссылка Пушкина на Ходаковского, как на знатока „Песни о полку Игореве“, не являлась чем-то случайным. Ходаковский действительно был одним из первых и для своего времени выдающимся исследователем древнейшего памятника русского художественного слова.
